

СОНДОЕВСКАЯ Н. Г. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

СОНДОЕВСКАЯ Наталия Гилярьевна, родилась в 1890-х. Окончила Бестужевские женские курсы, с 1916 — служила в Сельскохозяйственной бактериологической лаборатории, с 1923 — работала младшим научным сотрудником в Ленинградском Институте Сравнительной Патологии. 2 января 1933 — арестована по групповому делу, 6 мая приговорена к 5 годам ссылки и отправлена в Новосибирск; затем переведена в село Зырянское Красноярского края. В июне 1936 — обратилась за помощью к Екатерине Павловне Пешковой.

<12 июня 1936>

«Председателю Комиссии помощи
политзаключенным тов<арищу> Пешковой

Администр<ативно> ссыльной
Сондоевской Наталии Гилярьевны

Заявление

Приговором тройки б<ывшего> Ленинградского ОГПУ, объявленным мне 6/V 1933 г<ода>, я присуждена по ст<атье> 58-7 Уг<оловного> К<одекса> РСФСР к "вольной ссылке в г<ород> Новосибирск сроком на 5 лет".

Новосибирским ОГПУ я, по прибытии моем, была направлена в Томский Опер<ативный> Сектор, который назначил мне местом ссылки Зырянский район, где я проживаю и до настоящего времени.

Следственной частью б<ывшего> Ленинградского ОГПУ мне было предъявлено обвинение в скрытом саботаже, причем, мне ставилось в вину выполнение научно-исследовательских работ на темы, "не актуальные на данном этапе развития социалистического животноводства", т<о> е<сть>, что я изучала кровопаразитные болезни у диких животных (млекопитающих, птиц, рыб и др<угих> холоднокровных), а также нанесение вреда интересам государства участием в склоке, имевшей место в Ленинградском Институте Сравнительной Патологии в конце 1931 г<ода> и начале 1932 г<ода>.

По существу обвинения я считаю необходимым дать следующие объяснения. Во-первых, не отрицая, что, принципиально, всякая склока в учреждении является для него вредной, считаю необходимо нужным заявить, что я имела в виду не вред, а, наоборот, одну только пользу указанного учреждения, в котором, в указанное выше время, производилась замена директора — профессора Тартаковского Михаила Гавриловича — крупного ученого, очень талантливого, с огромным опытом в руководстве научно-исследовательскими учреждениями, рядовым вет<еринарным> врачом партийным, а затем рабочим с завода. И со своей стороны энергично поддерживала назначение на должность руководителя Института сравнительной патологии тов<арища> Новикова Ник<олая> Георг<иевича>, тоже члена ВКП (б), но окончившего курс в Институте Красной Профессуры, человека хорошо известного в Институте Сравнительной Патологии по работе его в 1928-29 годах в качестве заместителя директора. Кандидатура его была, между прочим, поддержана и зам<естителем> Наркома Земледелия тов<арищем> Цылько. Во-вторых, я считала, что замена большей части квалифицированных научных работников, но беспартийных, рядовыми, но партийными ветеринарными врачами подорвет работу Института, так как для меня было совершенно очевидно, что при указанных условиях Институт не сможет работать и должен будет прекратить свое существование, что, между прочим, в самом недалеком будущем и

подтвердилось на 100%, т<о> е<сть> Институт оказался не в состоянии справиться со своими задачами и, как таковой, был закрыт. Что касается до меня, то я проработала в нем 9 лет и в организации его принимала самое деятельное участие, помогая созидать его своими руками в буквальном смысле этого слова, так как весь 1923 год (год основания Института), в самых тяжелых для работы условиях (под Институт был занят полуразрушенный особняк, с разрушенными в нем водопроводом, отоплением, освещением) я помогала устраивать лаборатории, кабинеты и патологоанатомический музей, расставляя в последнем в витринах многочисленные препараты и развешивая на стенах и стойках тоже многочисленные, акварельные рисунки. Таким образом, для меня Институт являлся не простым источником заработка, а родным детищем, интересы которого мне были дороги и близки.

Что касается обвинения в неактуальности тем моих научно-исследовательских работ, то и это обвинение мною совершенно не заслужено в виду того, что большая часть моих работ по изучению протозойных болезней крови у диких животных была мною начата в 1924 году и выполнена в период времени с 1924 по 1929 год. Уже в 1930 г<оду> я начала совместно с профессором Тартаковским и ученым специалистом Оленевым работу на тему "О географическом распространении в СССР клещей рода *Dermacentor*". Работы по клещам и указанная тема были признаны как Ветеринарным Управлением, так и Всесоюзным Институтом Экспериментальной Ветеринарии очень важными, вполне актуальными и нужными для государства в данный момент. Не менее важными и вполне актуальными, и именно на данном этапе развития социалистического животноводства, были и мои работы в научно-исследовательской Ново-Орской экспедиции (1931 и 1932 года), где я была занята исследованием на пироплазмоз (тейлериоз, анаплазмоз и др<угие>) крови домашних животных, в частности крови больных овец, присылавшейся на исследование из Орской скотобойни и из скотоводческих совхозов, а также крови опытных гуртов экспедиции (крупный рогатый скот, овцы, козы, верблюды). Производившиеся же мною одновременно 2 работы: "О кровопаразитах (гемогрегаринах) у водяного ужа" по материалам 1914 г<ода>, представляли тот большой интерес, что, несмотря на широкое распространение этих змей и огромное количество исследований их крови и у нас, и за границей, никем и никогда кровопаразиты у них найдены не были, так что это была первая и единственная находка во всем мире, сделанная у нас в Союзе. Кроме того, считаю нужным сказать, что с 1924 г<ода> работы по изучению кровопаразитных болезней у диких животных производились у нас в СССР многими учеными и напечатаны, например в журнале "Тропическая медицина", в "Трудах ВИЭВ" и даже в учебнике для вет<еринарных> врачей: "Болезни домашних животных вызываемые простейшими (Protozoa)", проф<ессора> Якимова изд<ания> 1931 г<ода>. Работы этого характера представляют тот большой интерес, что многие кровососущие, являющиеся переносчиками болезней, возбудителями которых являются Protozoa, паразитируют как на домашних животных и птицах, так и на диких и, что дикие животные и птицы заражаются такими же кровопаразитами, как и домашние, и даже человек не выключен из этой цепи. И, наконец, занимая должность младшего научного работника, я сама вообще не выбирала тем для своих работ. Я трудилась, не щадя сил и здоровья, всегда без ограничения времени над каждой заданной мне научно-исследовательской работой. Я была скромным тружеником в науке, отдавая ей все свое время, весь свой досуг. Как на один из примеров громадной затраты труда с моей стороны, укажу на то, что при опыте массового исследования птиц из разных отрядов на распространение кровопаразитных болезней (малярии, лейкоцитозоонозов, трипанозомозов и

др<угих>) по материалам собранным с 1924 по 1927 г<од> в Пугачевском районе и в районе реки Свири мною было промикроскопировано приблизительно 14662 мазка (препарата) из одной только крови (сердца, легкого, селезенки). Я беру приблизительную цифру, в то время, как на самом деле она гораздо выше, потому что иногда, в сомнительных случаях, исследовались оба мазка из указанных органов, а очень часто еще и из печени и костного мозга. В Пугачевском районе было исследовано 3572 экз<емпляра> птиц из 10 отрядов, а в районе реки Свири 982 экз<емпляра> из 15 отрядов. Надо было собрать весь этот громадный материал, записать в журналы вскрытия, вскрыть, сделать мазки, их зафиксировать, окрасить, промикроскопировать, записать результат микроскопирования. Кроме того, каждый найденный паразит мною схематически зарисовывался. Попутно велось исследование и на простейших в кишках, собирались эктопаразиты и глисты. Обе упомянутые работы были снабжены акварельными рисунками, и мною была собрана к ним вся имеющаяся литература, как русская, так и иностранная. Я привела только один пример того напряженного труда, который я добровольно и с энтузиазмом несла, а таких примеров я могла бы привести десяток. Кроме того, в течение ряда лет мною были сделаны сотни рефератов из русских и иностранных журналов (французских, английских, немецких). Сердце мое обливается кровью, когда я вспоминаю обо всех этих научных богатствах, на которые я положила всю свою жизнь, все силы, все здоровье, и теперь я даже не знаю, где они?! Неужели я совершила столь великое преступление, что в результате должны погибнуть для меня все мои ценнейшие рукописи и многочисленные ценнейшие рефераты!

Моральные и физические мои страдания, не передаваемые на человеческом языке, длятся уже три с половиной года и формальный срок их окончания еще через полтора года.

Проживая в глухой деревне, где, конечно, нет ни вузов, ни научно-исследовательских учреждений, ни лабораторий и т<ому> п<одобное>, я лишена возможности работать по своей специальности, кроме того, в местных условиях, я, как админ<истративно> ссыльная, вообще не могу получить и просто конторскую работу (а вместе с нею и заработок); к физическому же труду, единственный, который здесь я могла бы еще найти, по состоянию своего здоровья я, к моему большому огорчению, совершенно не способна и нести его не могу (органический порок сердца, правосторонняя паховая грыжа, внутрибрюшинные послеоперационные сращения). Материальное мое положение ухудшается с каждым днем. Все мое ничтожное имущество, приобретенное за 17 лет работы (со школьной скамьи), проедено. Сестры мои, из которых одна пенсионерка, проработавшая 27 л<ет> учительницей в начальной школе, а другая инвалидка, проживающая на иждивении своей дочери, могут мне оказывать только самую ничтожную помощь, никаких других средств у меня нет и я, таким образом, обречена влачить самое жалкое существование, полуголодное в суровых климатических условиях севера западной Сибири, бессмысленно к тому же тратя дни и годы.

Ища выхода из своего невыразимого горя, я решилась обратиться к Вам, глубокоуважаемая тов<арищ> Пешкова, с убедительнейшей просьбой оказать мне свое содействие и ходатайствовать за меня перед Президиумом ЦИК Союза ССР о даровании мне помилования и досрочного освобождения и поддержать мое ходатайство. Я ни одной минуты не сомневаюсь в том, что Вы не откажетесь оказать мне содействие и помощь. Я не сомневаюсь в том, что Вы отзывчиво и вдумчиво отнесетесь к моим бедам, а громадное доверие к Вам Партии и Правительства обеспечат успех Вашего ходатайства за меня.

Сознание, что я не умею доказать свою полную невиновность, неумение доказать, что я никогда не только не занималась саботажем, но даже в голову мне никогда этого не приходило, сознание этого своего полного бессилия доводит меня до полного отчаяния. Страшное нервное потрясение, явившееся, как результат ареста, заключения в тюрьму и сурового тюремного режима, не дало мне возможности спокойно разобраться в предъявленном мне обвинении и доказать свою абсолютную непричастность к какому-либо вредительству. Два раза — 26/X - 34 г<ода> и 6/VIII - 35 г<ода> — я обращалась в Президиум ЦИК Союза ССР с ходатайством о помиловании. На последнее свое заявление, несмотря на то, что прошло уже 10 месяцев, я не получила еще ответа. За это время произошло 12/VII - 35 г<ода> досрочное освобождение профессора Тартаковского Михаила Гавриловича, бывшего директора Ленинградского Института Сравнительной Патологии, по делу которого, как его ассистент, я и была сослана, под непосредственным руководством которого я работала в Институте и который является, так сказать, главным виновником моих несчастий. Я полагаю, что если Власть признала возможным освободить досрочно лицо, возглавлявшее учреждение, непосредственно руководившее моими работами и по отношению к которому я являлась лицом подчиненным, то тем самым она имеет полное основание смягчить и мне суровое мое наказание, тем более, что ²/₃ срока, т<о> е<сть> 3½ года, я уже отбыла.

Неужели за то, что исследуя кровь домашних животных, я одновременно вскрывала сусликов, ворон, лягушек и ящериц, и за то, что я хотела видеть во главе научно-исследовательского учреждения не рядового ветеринарного (партийного) врача, а партийца с высшим образованием, я должна нести такое страшное наказание, в которое вылилась моя "вольная ссылка в г<ород> Новосибирск".

Медицинское свидетельство о состоянии моего здоровья было приложено мною к первому ходатайству перед Президиумом ЦИК Союза ССР, отправленному мною 26/X <19>34 г<ода>.

О последующем убедительно прошу не отказать сообщить мне по адресу: Зап<адно> Сиб<ирский> край, п<очтовое> о<тделение> Зырянское, Зырянского района, б<ывшего> Томского окр<уга>, Набережная реки Чулыма, д<ом> 16.

Н. Сондоевская.

12 июня 1936 г<ода>»¹.

В июле 1936 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью Нина Гилярьевна Сондоевская, сестра Натальи Сондоевской.

<4 июля 1936>

«Председателю Комиссии помощи
политзаключенным тов<арищу> Пешковой

От Нины Гиляриевны Сондоевской

Заявление

2-го января 1933 г<ода> сестра моя Наталья Гилярьевна Сондоевская была арестована и приговором тройки бывш<его> Ленинградского ОГПУ осуждена к вольной ссылке в гор<од> Новосибирск. Однако фактическим местом ее ссылки оказалось село Зырянское. Все попытки найти посильную для нее работу в селе Зырянском не увенчались успехом, и она осталась

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1552. С. 113-117. Автограф.

без работы и без всяких средств к существованию. 3½ года сестра моя Н. Г. Сондоевская переносила свою ссылку в чрезвычайно тяжелых материальных условиях, тогда как другие ее товарищи, бывшие сослуживцы, отправленные в Казахстан, Узбекистан, прибыв на место ссылки, получили работу и до сих пор работают, не испытывая той тяжести наказания, какую несет моя сестра.

12/VII-35 г<ода> проф<ессор> Тартаковский Мих<аил> Гавр<илович>, бывший директор Института Сравнительной Патологии в Ленинграде, досрочно освобожден, и я не могу спокойно пройти мимо этого факта. Ведь моя сестра служила в Институте Сравнительной Патологии, работала под руководством проф<ессора> Тартаковского и одновременно отправлена в ссылку по одному и тому же делу.

Если освобождено лицо, возглавлявшее учреждение, лицо, которому непосредственно была подчинена моя сестра, то тем более не может не быть помилована и моя сестра.

Не имея средств поехать в Москву и лично хлопотать за нее, так как я существую на небольшую учительскую пенсию, я решила обратиться к Вам, глубокоуважаемая тов<арищ> Пешкова, со своим ходатайством и убедительно просить Вас помочь моей сестре получить смягчение в ее суровой доле и ходатайствовать за нее перед Президиумом ЦИК Союза СССР о даровании ей помилования и досрочного освобождения, принимая к тому же во внимание, что, во-первых, ²/₃ срока (т<о> есть 3½ г<ода>) она уже отбыла, а во-вторых, она больной человек — органический порок сердца, правосторонняя паховая грыжа и внутрибрюшные сращения после операции, что подтверждается медицинским свидетельством, имеющемся в делах Президиума ЦИКа при ее заявлении от 26/X - 34 г<ода>.

Досрочное освобождение сестры моей облегчит и мое материальное положение, так как мне приходится отрывать от своих маленьких средств (77 р<ублей> 50 коп<еек>) и посылать ей, чтобы она не погибла в условиях ее теперешнего существования.

Сестра моя работала с момента окончания Бестужевских курсов непрерывно до 1933 г<ода>. В 1916 г<оду> она поступила в Сельскохозяйственную бактериологическую лабораторию, где и работала до 1923 г<ода>. В 1923 году она перешла в Институт Сравнительной Патологии, где работала не за страх, а за совесть, отдавая все свое время любимой научной работе.

Я надеюсь, что Вы не откажете в моей просьбе, мне честно и скромно прослужившей делу народного образования 28 л<ет> и вышедшей в отставку только вследствие болезни сердца.

Облегчение участи сестры поддержит и мои силы, облегчит мое душевное состояние, крайне угнетенное под бременем неожиданно свалившегося на нас горя.

О последующем прошу не отказать известить меня по адресу: Ленинград, ул<ица> Чехова, д<ом> 16, кв. 7.

Н<ина> Сондоевская.

25 июня 1936 г<ода>.

Ленинград»².

² ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 1552. С. 119-120. Автограф.